

Танкер «Дербент»: Командиры -5

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -5 5

В январе десять танкеров стали в один день на ремонт. В цехах образовалась пробка. Поговаривали, что часть работ придется взвалить на судовые коллективы. Удобное выражение «средствами команды», брошенное кем-то, запорхало там и сям по заводу. Произносилось оно с улыбкой не то ухарства, не то смущения, – так улыбаются люди, когда приходится признавать свои недостатки.

На производственном совещании Нейман вдруг заявил, что половину судов необходимо перевести в другие доки. Нельзя заставить людей работать круглые сутки, тут на сверхурочных не выедешь. Инженеры переглядывались, как бы говоря: сознался. Директор устремил глаза в потолок, и лицо его напряженно застыло, как будто ему стоило большого труда сдержаться и дослушать Неймана до конца. Потом он вдруг раскричался:

– Понятно, почему в цехах такие настроения, если главный инженер сейчас вон до чего договорился! По этой болтовне нужно ударить...

Нейман упер руки в бока и злобно и сухо сощурился.

– Я рапорт подам. У меня цифры... – загремел он в ответ. – Митинговать-то легко чужими боками!

Казалось, эти люди ненавидели друг друга, так они кричали. Но Басов знал, что сейчас они сговорятся и выйдут курить в коридор. Он подумал о Мусе. Она будет ждать его всю ночь и слушать шаги за окном. Он выждал паузу и брякнул громко, так, что все обернулись:

– По-моему, надо нажать. Аврал – и все тут! О чем разговор?

Нейман перестал щуриться на огонь и молча сел. Инженеры заговорили разом. Бригадир Ворон, раненный при взрыве котла, с трудом повернулся на стуле и улыбнулся Басову. Когда совещание

кончилось, Нейман остановил Басова в дверях.

– Ты можешь переночевать у меня в кабинете, – сказал он преувеличенно любезно, – там два дивана.

Басов кивнул и отвернулся. Ему очень хотелось домой. На причалах, в колеблющемся свете фонарей, двигались черные фигуры, подгоняемые гудками автокаров. Спускаясь в машинное отделение танкера, он видел запрокинутые пыльные лица сборщиков, смотревших на него снизу. Бригадир окликнул его:

– Надолго задержимся, видать?

Он припал к висячему чайнику, шумно глотая воду. Оторвался, размазал по лицу пот и подмигнул Басову. И Басов ответил:

– Надолго.

Под утро он зашел в кабинет Неймана. Там было холодно. В синее стекло окна постукивала ветка акации.

Он лег на кожаный диван и перед сном коротко вспомнил о Мусе. Ветер гудит в трубах, и трамваи уже двинулись из парка. Едва ли она спала в эту ночь...

Он увидел Мусю на другой день вечером, когда она вернулась с дежурства. Она соединила пальцы на его затылке, укололась о его подбородок и засмеялась. Было не похоже, чтобы она сердилась на него.

– Я позвонила к Нейману и узнала, что ты остался на ночь, – сказала она. – Знаешь, Нейман меня рассердил.

Она пристально посмотрела на его руки с ногтями, черными от мазутной грязи, сдвинула брови и задумалась.

– Я спросила, надолго ли тебя задержат, а он смеется: «Сколько потребуется, столько и просидит». Я бросила трубку. Дала бы ему по морде, чтобы знал. – Лицо ее стало темным от прилившей крови, мрачным и злым. – Он тебя не любит, – продолжала она, – тебя все там не любят за что-то... или боятся, не разберу.

Мне кажется, Саша, что у тебя никогда не будет удачи.

Счастье – другое дело! Может быть, ты и сейчас счастлив. Тобой затыкают дыры, а ты говоришь, что это аврал, и доволен. Что-то в этом есть жалкое и обидное до слез. Не сердись...

Слезы действительно выступили у нее на глазах, и она до боли сжала его руку. Он был поражен и не нашелся что ответить. Как это уже бывало, ее слова показались ему странными и лишенными

смысла.

– Муська! – крикнул он с насильственной веселостью. – Прекрати панику, Муська! Кто это обидит меня? Ведь я же зубастый!

Он притянул ее к себе и погладил по волосам, но она упрямо отстранилась.

– Мне кажется, ты живешь как-то по-газетному, Саша. Другие поступают иначе. Я хочу, чтобы ты преуспевал в жизни.

Он не явился на следующую ночь, потом на третью. Муся вступила на ночную вахту, когда он вернулся домой. Казалось, она привыкла и перестала замечать его отлучки.

– Твой аврал затянулся, – говорила она шутливо. – Сколько их еще осталось до смерти? Скоро я стану старухой, командир.

В конце января танкеры вышли из ремонта. На собрании актива выступал Нейман. Он говорил о бессонных ночах, плохом снабжении и твердости духа. Говорил взволнованно и горячо, и ему долго аплодировали. Басов сидел рядом с Эйбатом.

– Я говорил с Нейманом и с начцеха Гладким, – сказал он, – все против. Посмотрим, что скажет актив!

Эйбат уныло поежился.

– Оставь, Саша. Как Нейман сказал, так и будет. Кто я такой? Зачуханный слесаришка.

– Испугался, – сухо сказал Басов, сбрасывая его руку со своего плеча. – Подлецкий у тебя характер, Закирия!

Он оглядывал зал, соображая, кто из присутствующих поддержит его. Вдоль рядов прошел бригадир Ворон, припадая на одну ногу и тяжело дыша. Он тащил свое искалеченное тело степенно и гордо, как простреленное боевое знамя. Басов подумал: «Этот будет за нас».

Директор сказал об опыте зимнего ремонта, о значении предстоящей навигации. За ним настала очередь Басова.

Басов старался говорить короче. Завод может сэкономить много времени и средств. Все знают о предложении, но оно залежалось в портфеле главного инженера – надо его вытащить оттуда (он не думал задевать Неймана, но вышло злобно и вызывающе). На заводе есть хорошие кадры и новые станки. Если люди научатся беречь секунды, не нужны будут авралы.

Мастера слушали его с застывшими улыбками. Конструкторы

шептались о чем-то. Бронников усмехался, шевелил губами, собираясь говорить. Басов сел. Он вдруг отчетливо понял, как некстати прозвучало его выступление. Всем хотелось говорить о трудностях, которые остались позади, о своих успехах. И вдруг кто-то заявляет, что можно было сделать скорее и дешевле.

В зале поднялся шум. Ворон тяжело привстал и крикнул звонко:

– Он дело говорит. Выяснить надо, почему затирают...

Но к Ворону склонился Нейман и зашептал ему что-то. Заговорил Бронников, и сразу загудел по залу ветерок смеха.

– Механик Басов предлагает экономить секунды, а потом придется терять недели на ремонт станков... Что касается предложения, то оно едва ли применимо и даже опасно. Чего он толкует, что кулачки удержат поршень... Когда такие предложения попадают в цех, мастера чешут затылки.

Басов сгорбился и потемнел. Несомненно, собрание приготовилось развлекаться. Лица размягченно шурились, нарастал шум. Кто-то из конструкторов заметил весело:

– Премию сорвать хотели! Крой их, Бронников!

Басов задохнулся и поднялся на ноги.

– Рабочего затираете. Не пройдет!.. Своего добьемся!

Среди безразличных, любопытных лиц, повернувшихся на его крик, он видел несколько явно враждебных, наблюдавших его с нескрываемым злорадством.

– Беспokoиться не хотите, – брякнул он во весь голос, – печатным хламом прикрываетесь! Для чего же мы учили людей?

Потом он сразу остыл, и возбуждение сменилось апатией. Ему стало стыдно за свою выходку. Пробираясь к дверям, он слышал, как Нейман сказал:

– Это уже на грани хулиганства. Его нужно одернуть.

Он приехал домой, сел к столу и уронил голову на руки. Впервые он почувствовал себя одиноким. Все эти люди – механики, мастера цехов во главе с Нейманом, несомненно, работали много и добросовестно. Но почему-то они упорно держались за ветхую, уродливую обстановку завода с авралами, суматохами и бессознательным повторением одних и тех же ошибок. Басов чувствовал себя так, как будто, забежав далеко вперед, он оглянулся и тут только заметил, что остался один.

Муся видела, что с ним неладно. Она подсела к нему и заглянула в глаза.

– Случилось что-нибудь? – спросила она. – Почему ты молчишь?

Басов оживился. Рассказал, как было дело. Муся слушала молча. Она не задавала вопросов и не возмущалась. Смотрела на него во все глаза, словно впервые изучая его лицо. Когда он рассказал о том, как уговаривал его Эйбат отказаться от выступления, Муся не выдержала. Она всплеснула руками горестно и гневно.

– Он сам уговаривал тебя, – переспросила она, – неужели правда? Нет, ты неподражаем!

Она засмеялась, но губы ее дрожали. Потом она подсела к нему и завладела его руками. Лицо ее сделалось умоляющим и жалким. Оно просило, заискивало и угрожало. Басов никогда не видел ее такой.

– Сашенька, брось ты это! Разве нельзя работать как все, не оригинальничая, не создавая шумихи? Ты работал ночами – тебя не отметили. Разве другие не получили премии? Ты не умеешь взять то, что принадлежит тебе по праву, не умеешь ладить с людьми. Теперь ты выскочил опять с этим предложением. Ты восстановил против себя авторитетных людей, и они отплатят тебе, будь спокоен. Зачем ты вредишь себе, Саша? Нет, ты странный, странный. Просто чудак какой-то!

Он слушал ее устало-безразлично, думая о своем. Чтобы убедить людей в своей правоте, нужно много упорства, убежденности и равнодушия к собственной судьбе. Вот он мучит свою жену. Нетерпелив, горяч. И разве же он хочет обострить на заводе отношения с товарищами? Он даже не знает толком, как называется та правда, которая захватила его. Он изучил процессы труда и пришел к выводу, что механизмы используются плохо, что можно работать лучше, вот и все.

– Тебе тяжело со мной? – спросил он задумчиво.

– Мне беспокойно. Я как-то вовсе не уверена в нашем завтрашнем дне. Ты такой странный... Powestler